

07.09.2025

Сергей Катырин: «Российская экономика и бизнес продолжают развиваться, но не так активно, как хотелось бы»

Сегодня продолжают активно обсуждаться темы, вызвавшие волну дискуссий на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2025). В первую очередь речь идёт о том, что происходит с отечественной экономикой: охлаждение или заморозка? На этот вопрос в эксклюзивном интервью BM.Moscow Foresight отвечает Сергей Катырин, президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации.

…— Точно не заморозка! Российская экономика и российский бизнес продолжают развиваться, но сегодня в их развитии действительно наступила менее активная фаза, так называемое охлаждение. Как сообщили на ПМЭФ-2025 представители правительства, оно является управляемым и правильным. Главное, чтобы теперь не произошло переохлаждения.

Для этого, безусловно, должен уменьшаться уровень ставок по кредитам. Это может происходить плавно, постепенно, но последовательно.

Оптимальным результатом такого процесса могло бы стать снижение ключевой ставки до 12–15%. Если бизнес

убедится, что движение идёт в этом направлении, то он неизбежно перейдёт к модернизации и расширению производств. При текущей же ставке предприниматели, наоборот, говорят, что запустить новые инвестиционные проекты невозможно.

Российская Газета
ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ
ДЕЛОВОГО СОВЕТА БРИКС И
ЖЕНСКОГО ДЕЛОВОГО АЛЬЯНСА БРИКС

— Герман Греф в своём выступлении на ПМЭФ обратил внимание на то, что объём и качество инвестиционных предложений от компаний, которые мог бы поддержать Сбербанк, существенно снизились. Как это можно объяснить, и надолго ли такая тенденция?

— За Сбербанк переживать необязательно: там сформирован большой портфель старых проектов. А вот то, что предприниматели не делают новых инвестиционных предложений, объясняется как раз высоким «ключом».

Долго такая тенденция сохраняться не может, потому что перед страной стоит задача достижения технологического суверенитета. Тем не менее, и ждать резкого увеличения новых инвестиционных проектов не следует — так же, как не стоит ждать резкого снижения ставки.

В то же время, в текущих условиях вполне можно ожидать — тем более, что это уже происходит — расширения партнёрств и международных проектов. Мы активно работаем сразу по нескольким линиям: это и ЕАЭС, и ШОС, и БРИКС. В работе всех этих объединений изначально заложен принцип взаимовыручки и кооперации. Ограничения в одной из стран могут компенсироваться их отсутствием в другой. Взамен первая может предоставить, к примеру, сниженные таможенные пошлины. В конечном итоге, так складываются взаимовыгодные отношения.

— Возвращение иностранных компаний на российский рынок для предпринимательского сообщества в первую очередь — вызов или, если заработает специальный механизм антимонопольного контроля, новые возможности?

— В первую очередь о массовом возвращении иностранных компаний говорить не приходится. Некоторые крупные корпорации действительно рассматривают возможности возврата, но конкретных договорённостей пока нет.

Определённые сложности у наших предпринимателей могут возникнуть — например, при продвижении новых продуктов. В условиях высокой ключевой ставки, отечественным производителям сложно проводить масштабные рекламные кампании; у международных игроков здесь более широкое поле возможностей.

Но ни на какие привилегии иностранные компании рассчитывать не могут. Их возвращение будет отрегулировано на законодательном уровне: помимо антимонопольного контроля, рассматриваются компенсации, передача технологий и оборудования.

Отечественные производители, напротив, продолжат получать меры поддержки, которые были созданы в последние годы, такие как механизм специального инвестиционного контракта (СПИК 2.0), субсидирование НИОКР, льготные займы в Фонде развития промышленности.

Конечно, после возвращения иностранных компаний, конкуренция на российском рынке усилится. Правда, выиграть в этой конкуренции «возвращенцам» будет гораздо сложнее.

— Сегодня расчёты между странами БРИКС идут в национальных валютах. А каковы перспективы использования цифровых валют центральных банков, например, цифрового юаня и цифрового рубля?

— Хотя эта тема много обсуждается, в мировой практике цифровые валюты центральных банков — пока редкость: о полноценном запуске заявили только Нигерия, Зимбабве, Ямайка и Багамы.

Российский Центробанк недавно перенёс массовое внедрение цифрового рубля на 1 сентября 2026 года.

Полагаю, что небезосновательно: если запустить его в полуработающем состоянии, то возникнет угроза для трансграничных расчётов и репутационные риски, которые российская экономика не может себе позволить.

Надо сказать, наши китайские коллеги, так же, как и другие страны БРИКС, пока не торопятся. В перспективе цифровой рубль и цифровой юань действительно могут стать ключевым механизмом трансграничных расчётов: по мнению экспертов, их использование будет обходиться дешевле безналичной валюты. Однако двигаться к этой цели необходимо только при полной уверенности в высоком качестве технологии и безопасности всех участников.

— Можно ли ожидать создания в рамках БРИКС новых инвестиционных платформ?

— Создание платформы расчётов и инвестиций и формирование единой цифровой инфраструктуры внутри объединения — один из безусловных приоритетов Делового совета БРИКС. Инвестиционная платформа БРИКС позволила бы обеспечить дополнительный прирост ВВП в развивающихся экономиках, способствовала бы расширению расчётов в национальных валютах.

Экономика стран БРИКС развивается впечатляющими темпами: около 4,4% в год. Текущие финансовые механизмы уже не справляются с таким ростом, поэтому единая платформа критически необходима. Об этом, кстати, заявляет не только Россия, но и другие участники объединения.

Мы надеемся, что в рамках индийского председательства в следующем году удастся организовать более глубокую и последовательную работу в совете над этой темой и, вероятно, принять ряд финальных решений.

— Как у российских предпринимателей обстоят дела с освоением рынков Глобального Юга и Востока?

— Сегодня главным торговым партнёром России является Китай, на который приходится около трети нашего товарооборота.

Примерно по 10% товарооборота приходится на Индию и Турцию. Общая же доля дружественных стран в российском товарообороте превышает 80%.

Очевидно, что по-прежнему необходима диверсификация внешнеэкономической деятельности. Мы должны не просто искать новые рынки, но и демонстрировать успешные результаты. Для этого нужны хорошие специалисты по ВЭД, которые знают нюансы ведения бизнеса в соответствующих странах: как работать с платёжными системами, как организовать логистику и так далее. Торгово-промышленная палата России сейчас участвует в их подготовке: мы проводим программы повышения квалификации совместно со Школой экспорта РЭЦ.

Когда наши компании выходят на рынки Глобального Юга, отправляют туда своих специалистов, то наши партнёры сразу же на это реагируют и начинают активно инвестировать в Россию. Причём инвестировать сегодня можно и в российский IT-сектор, и в возобновляемые источники энергии, и в фармацевтику и биотехнологии. Наконец, ограничения на импорт продукции открыли большие возможности для отечественного АПК, поэтому российское

сельское хозяйство и пищевая промышленность — тоже перспективные направления.

А рост инвестиций, в свою очередь, станет дополнительным стимулом для экономического роста и экспансии на новые рынки. Так что здесь всё взаимосвязано.